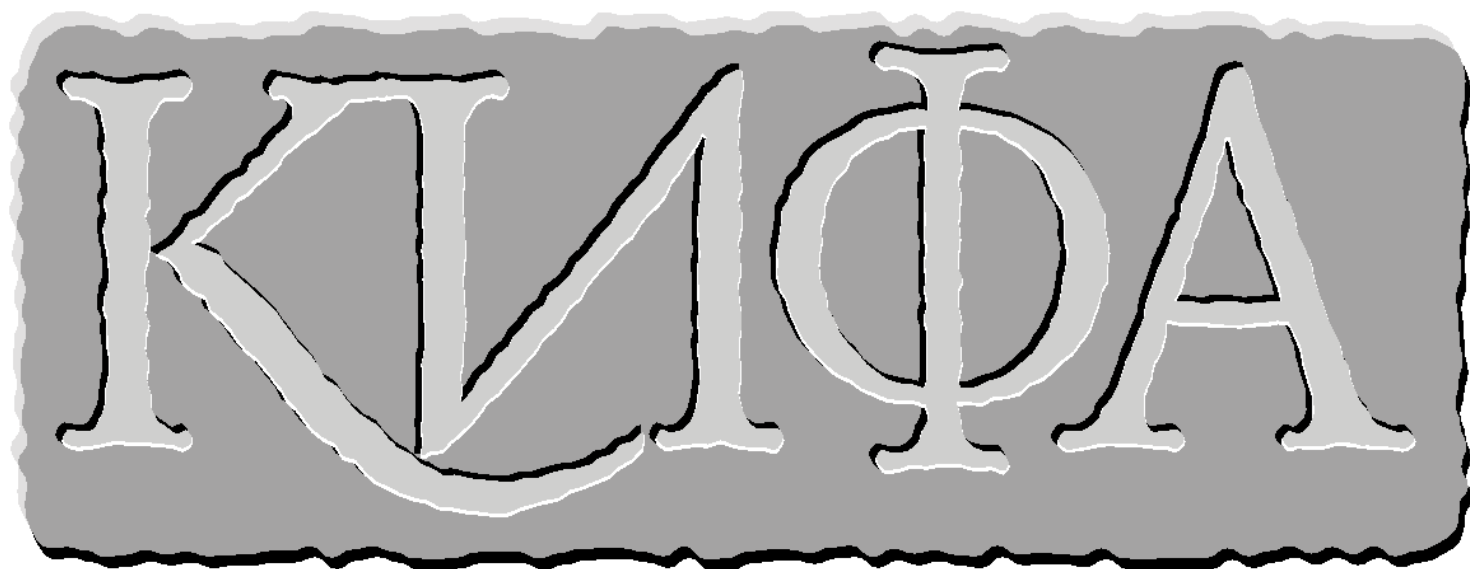

3(6)

МАРТ

2003

СОВМЕСТНОЕ
ИЗДАНИЕ
СВЯТО-
ПЕТРОВСКОГО
БРАТСТВА
(САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ)
И
ВОСКРЕСЕНСКОГО
БРАТСТВА
(МОСКВА)

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

БОГОСЛОВИЕ НА ЗЛОБУ ДНЯ

На вопросы ответственного редактора «Кифы»
отвечает архиепископ Львовский и Галицкий АВГУСТИН,
председатель Синодальной богословской комиссии Украинской православной церкви

— Ваше Высокопреосвященство, недавно владыка Филарет, который возглавляет Синодальную богословскую комиссию РПЦ (членом которой Вы также являетесь), в своем докладе, прочитанном в Свято-Владимирской семинарии, говорил, в частности, о том, что наиболее перспективными в будущем будут такие направления богословия, как антропология, еклесиология и этика. Скажите, пожалуйста, планируются ли в Украинской православной церкви какие-то конференции по этим направлениям богословской мысли или по каким-то другим, которые Вы считаете наиболее перспективными?

— Я согласен с позицией и мнением высокопреосвященнейшего митрополита Минского и Слуцкого, патриаршего экзарха всея Белоруссии владыки Филарета. Сейчас эти темы актуальны. Это не говорит о желании сделать

ревизию, пересмотр, какую-то коррекцию. Просто есть темы уже отработанные, точнее, всесторонне изученные. Там уже практически невозможно сказать что-то. А есть более актуальные в силу разных причин. Однако это требует очень большой осторожности, понимания нюансов. Скажем, в Московской духовной академии есть особенности в подходах к вопросам антропологии. Люди берут на себя ответственность, организуя встречи для обсуждения этих вопросов. Но это нужно, и я желал бы участвовать в дискуссии.

Что касается Украины, у нас злободневнее другие темы. Мы, в частности, разрабатывали проблемы ИНН. Еще несколько заседаний СБК было посвящено современным течениям «благочестивых» верующих, обособляющихся от других — ведь в каждом регионе есть «авторитетные старцы».

(продолжение на стр. 4)

СКРОМНОЕ ТОРЖЕСТВО

«Его смерть — тут Он обо всем позаботился, ничего не упустил. Но Его триумф — триумф для детей, ты не находишь? Лубочная картинка — Он Сам верхом на ослиати, и зеленые ветви, и деревенский люд, хлопающий в ладоши. Кажется, что на устах Спасителя играет улыбка — Спаситель нередко улыбается, — она говорит нам: «Не принимайте всего этого слишком всерьез, но, в общем, бывают и законные триумфы, вовсе не запрещается праздновать победу — когда Жанна д'Арк входит в Орлеан, осененная орифламмами, забрасываемая цветами, Я отнюдь не хочу, чтобы она думала, что поступает дурно». Жорж Бернанос. «Дневник сельского священника»

В разное время, но всегда в марте, первая неделя Великого поста заканчивается «странным звучащим» праздником: Торжеством Православия. И кажется, что все вокруг, начиная с проповедующих в храмах священников, начинают оглядываться и искать — где оно, торжество-то? В далеком полуторжественном прошлом? В глубине нашей души? Или, может быть, в хотя бы чуть-чуть восстановленных за последние годы стенах храмов?

И прошедшее многие сотни лет назад торжество кажется уже таким далеким (и отчасти своей «церковно-государственной» формой обесценившим свои плоды), глубина наших душ — так мало преображенной светом Истины, а стены восстановленных храмов иногда столь удручающе пустыми, что возникает еще один вопрос: а может ли до конца земной истории цер-

ковь — восторжествовать?

Да, каждый из нас помнит даже в своей собственной жизни моменты, отблески подлинного торжества правды — над ложью, веры — над неверием, духа и смысла — над бездуховностью и бессмыслицей. И если мы не ограничим свою память только лишь восстановлением иконопочитания, то вся христианская история предстанет перед нами пронизанной этими отблесками, такими же праздничными, как возвращение изгнанного Златоуста в Константинополь навстречу выпешей в море на лодках со свечами толпе народа.

Только за последние десять лет не

один и не два раза случалось, что пропранная справедливость оказывалась восстановленной (иногда удивительным образом именно в дни празднования Торжества Православия), что отступала, казалось бы, всемогущая, ложь — растворялась в пространстве, становилась ничем, будто ее и не было. И хотелось бы верить, что именно это — правило нашей жизни. Что все неправедно запрещенные и отлученные (число которых и сегодня растет в самых разных епархиях нашей церкви) будут рано или поздно оправданы, восстановлены в своих правах. Что клевета будет названа клеветой, а правда — правдой. Что огромный, когда-то христианский народ, бродящий в пустыне унылого безбожия, вспомнит забытую за последние пятнадцать лет мечту о покаянии и исправлении пути. Что храмы наполнятся не желающими поставить свечку «нужной иконе» и поскорее уйти случайными людьми, а верными Богу и друг другу братьями и сестрами.

Но этого никогда не случится, если каждый из нас для себя, в своей собственной жизни не вспомнит самый главный образ земного торжества христианства, не вспомнит, куда ведет этот путь. И торжества православия не настанет до тех пор, пока из числа зрителей, размахивающих пальмовыми ветками, мы не перейдем однажды в число участников и причастников этого пути, как это делали праведники и святые. Ведь ни возвращение Иоанна Златоуста в Константинополь, ни вступление Жанны д'Арк в Орлеан — это не конец, это только начало.

Иван ПЕТРОВ

АНОНС:

«Нам сейчас достаточно делать переводы с греческого текстов, которые отсутствуют на русском и украинском языках» — считает архиепископ Львовский Августин (с. 1 и 4)

Священник Георгий Кочетков знакомит читателей «Кифы» со своим переводом с греческого на русский основных чиннов православного богослужения (с. 4-5)

Насущным вопросам церковной жизни посвящены материалы о состоявшемся в Минске семинаре Всемирного братства православной молодежи Синдесмос (с. 2). Православная молодежь Европы пытается понять что такое община, миссия, узнать как живут современные миссионеры, знакомится с реальным опытом преподавания православного катехизиса в светской школе.

Новости (с.3) содержат первую публикацию на русском языке заявления всех православных епископов Америки о войне в Ираке, информацию о епархиальном собрании г. Москвы, о конференции по проблемам «религиозного экстремизма» в российской академии государственной службы и о встрече политиков и журналистов, посвященной использованию религиозного фактора в политике.

Своими размышлениями о диалоге церкви и культуры, о глубокой связи между нашим прошлым и нашим будущим делится с читателями «Кифы» народный артист России Сергей Юрский (с. 6-7).

Завершают номер выдержки из новых документов по «Делу священника Павла Адельгейма» (с. 8)

С 20 по 27 февраля 2003 года в Минске, в Доме межцерковного общения «Кинония», по инициативе белорусского православного братства Трёх Виленских Мучеников, прошёл очередной семинар Всемирного Братства Православной Молодежи Синдесмос (SYNDESMOS) на тему «Работа с уязвимой молодёжью: христианский ответ». В семинаре приняли участие более 30 человек из 10 стран мира. Руководили работой семинара Ольга Олейник (представитель Синдесмоса в Средней Европе), Лидия Оболенская (представитель в Западной Европе) и Христоф Д'Алоизио (Christophe D'Aloisio). Семинар проходил по трем направлениям: богослужебное, богословское и социальное. Наряду с интенсивной работой по теме семинара, прошли вечера белорусской и других национальных культур.

В рамках семинара с докладом о литургии и покаянии выступил о. Михаил Фортунато (fr. Michael Fortounatto) (интервью с ним мы публикуем ниже).

О системе религиозного образования в Бельгии рассказал Христофор Д'Алоизио (Christophe D'Aloisio) коллега отца Доминика Вербека (Dominique Verbeke) из Гента (интервью с о. Домиником читайте в «Кифе» № 2), который также занимается православным образованием: он отвечает за франкоговорящих учащихся. В Бельгии религию преподают только тем, кто пожелает. Дети, которые еще не сделали выбор веры, слушают два часа в неделю лекции по этике. О. Доминик и Христоф готовят и учителей, причем последние должны быть реальными членами церкви (каждую неделю ходить в храм и т.п.). От детей этого не требуется, им преподаются основные принципы веры, а затем учитель смотрит на то, как дальше развивается ученик. Обучение проходит в форме беседы. Оценки ставят редко — только тогда, когда этого требует школьное начальство. Самое интересное, что учитель может поставить хорошую оценку, даже если не согласен с учеником, но тот способен объяснить свою точку зрения. И наоборот, плохую оценку, когда ученик не заинтересован. У бельгийцев с детства есть опыт диалога на религиозные темы, когда приветствуются вопросы. Это несколько отличается от ситуации в бывшем СССР — так, например, воспитанники СПБДАиС свидетельствовали о том, что в их учебном заведении никого не интересует то о чем думает студент, свои мысли ему лучше держать при себе. Семинарис-

там поначалу было трудно освоиться с интерактивной формой семинара, когда ведущие все время просили, чтобы участники задавали вопросы, вызывая их на диалог. Ведущие старались создать такую обстановку, чтобы никто не боялся высказывать свои мысли, потому что общение на встречах Синдесмоса главным образом построено на свободном обмене мыслями.

Наиболее острым оказался доклад православного миссионера из Албании, американца Нафана Хоппа (Nathan Horpe) об общинной жизни. Участники семинара раскололись на три группы: тех, кто был за общины; тех, кто раньше не задумывался над этой проблемой и поэтому слабо представлял то, о чём шла речь (не менее половины участников семинара); и тех, кто был против (во главе со священником Дмитрием Салковым из Казани).

Причиной негативной реакции у некоторых стало непонимание самого термина «община», также сказалось различие языков и культур (что лишний раз показало актуальность проблемы внутрицерковного диалога). Для Нафана: «Община — это нормально и это здоровая ситуация. Хотя сейчас это может быть не очень обычно, но все равно это здоровая ситуация». Он выразил сожаление о том, что люди, придя в церковь, нередко стоят на богослужении безучастно друг к другу. По мнению док-

ладчика, очень важно было бы, чтобы наш литургический возглас: «Христос посреди нас», или молитва «за всех и за вся», реально бы выражали то, что люди, стоящие рядом с нами, действительно нам не чужие. Когда докладчик привел пример первохристианских общин, оппоненты возразили, обращаясь к примеру святых отцов, которые, наоборот, уединялись. И когда те, кто выступал за общины, пытались говорить о том, что это были исключительные подвижники, аскеты, у них был свой путь и нельзя этот путь механически распространять на всех, их не услышали. Очень многие поняли общину не как глубинное общение, а как какие-то разговоры. Нафан рассказал о том, как сестра его жены, впервые придя к ним в храм, осталась без внимания во время обычного кофе после литургии, и больше уже не захотела придти. Этот пример вызвал самое большое напряжение у оппонентов, потому что они восприняли его как иллюстрацию к общинной жизни как чему-то поверхностному, какой-то болтовне. Они упустили то, что Нафан начал свое выступление с обращения к образу Святой Троицы, образу любви и общения в Ней.

Конструктивный диалог об общине не получился потому, что у его участников — в том числе и у большинства сторонников общины не было реального опыта общинной жизни, был

только опыт прихода, каких-то встреч: чаепитий или каких-то кружков по интересам при храме, или национальных групп, куда посторонним вход воспрещен.

Более спокойным оказалось обсуждение темы миссионерского служения. Были разобраны несколько отрывков из разных книг Библии (включая Быт. 1:26-28; 12:1-3; Мф. 28:18-20; Откр. 7:9-12), которые так или иначе говорили о миссионерском призвании христианина. Во время дискуссии подробно говорилось о проблемах православной миссии в современном обществе, о том, что эта часть Предания Церкви в последнее время часто забывается. Приводились цитаты албанского архиепископа Анастасия, например, о том, что не участвуя в миссии, мы предаем самих себя, а не просто отказываемся от дополнительной нагрузки. Этот тезис получил одобрение и живой отклик большинства участников.

Нафан Хопп живо рассказал о миссионерстве в Албании и о том, как он стал миссионером: он почувствовал однажды, что готов проповедовать и его в этом поддержала супруга, в православном миссионерском центре в Америке им сказали, что нужны миссионеры в Албании. Затем они два года учили в школе для миссионеров албанский язык (Нафан подчеркнул, что православному миссионеру в Албании надо очень хорошо знать язык и культуру). Потом сами нашли спонсоров и собрали маленькую миссионерскую группу из 4 человек, не считая семьи Нафана.

Они были первыми православными миссионерами в Албании. Там после коммунистического режима не было ни храмов, ни духовенства. Осталось только несколько старых священников. Сейчас в Албании 15 православных миссионеров. Есть священники, среди них много молодых людей, которые учатся в семинарии, где преподает Нафан. Его переводчик признался, что Нафан как в Белоруссии, так и в Албании считается «белой вороной». Т.к. он американец, с него в десять раз дороже берут, полагая, что он достаточно богат. Конечно, миссионеров сейчас не съедают, но есть другие не менее эффективные формы дискриминации.

Обсуждение социальных вопросов и помощи проблемной молодёжи оказалось менее интенсивным, чем планировалось. Не смогли приехать некоторые докладчики, которые непосредственно работают в этой сфере.

Александр БУРОВ, Олеся ЧЕРКАСОВА, Ольга ОРЛОВА

УВИДЕТЬ СВЯТОСТЬ В ДРУГОМ

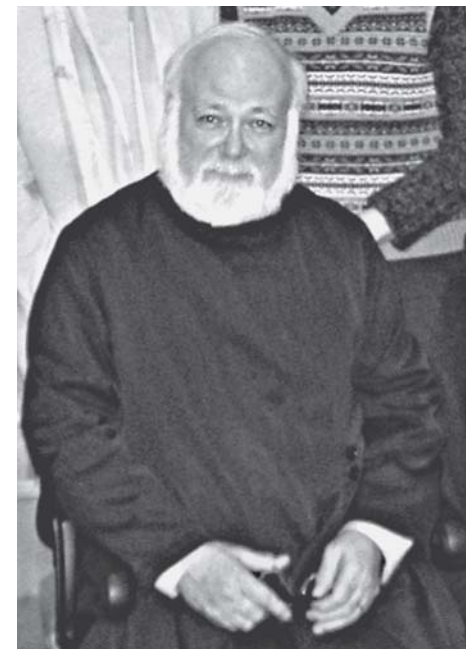
Интервью протоиерея Михаила Фортунато, регента собора Всех святых (г. Лондон)

— Отец Михаил, в своей беседе Вы сказали, что после грехопадения человек утратил дар общения с Богом, людьми. Церковь же по природе своей призвана явить образ истинного общения, диалога — жизни в любви и мире, открытости друг другу и слышании друг друга. Как Вы считаете, существует ли в настоящее время проблема понимания смысла диалога, реабилитации идеи диалога в церкви и обществе?

— Я сам интуитивно общение воспринимаю легко. Например, если говорить о спорте, то я люблю играть не отдельно, а в команде. В этом смысле, я думаю, что некоторые люди просто открыты для общения. Всякий человек нуждается в общении, потому что по нашей природе человеческой мы растём через общение с другими людьми. Мы сами должны обрабатывать наш опыт в себе, но расти должны через общение. Таинство брака, например, полностью построено на этом. В браке два человека, мужчина и женщина, соединяя судьбу, входят в полное общение с самого начала. И это — когда двое или трое полностью соединены,

когда двое становятся одним — должно в мире показать качество Царства Божия. Так что сама наша природа нас уже наталкивает на то, что мы должны развиваться именно через общение с личностями. Почему же, с другой стороны, нам это так трудно? Ну, конечно, из-за греха. Но во грехе что произошло? Я уже упоминал в беседе, что в первородном грехе человек отошёл от Бога, это ужас и такая беда, что он не покаялся! Потому, что если бы он покаялся, он бы остался в общении с Богом, Бог бы простил его, и всё было бы хорошо. Потом он свалил всё на жену, потом Каин и Авель поссорились... Вся вселенная раскололась, и человеку нужно было ее собирать, и только Христос ее собрал в конце концов. Но можно сказать, что эта проблема даже в раю уже стояла как задача для человека. Можно сказать, что Адам был очень незрелым, был как бы ребёнком. У него не было никакого опыта жизни. Мы уже унаследовали опыт всего человечества, жившего перед нами, а у него этого не было. Но у него была очень ясная задача: ладить с же-

ной, т.е. наладить отношения с таким же человеком, плотью от его плоти; наладить отношения со зверями (что он сделал, понимаете, он назвал зверей, он знал, что ему полагается, и он это прекрасно сделал). Дальше он был посажен в сад и должен был наладить отношения с растительным миром, со всем творением, на чём он споткнулся опять-таки. У Максима Исповедника, одного из самых глубоких богословов всей истории, есть такое видение: человеку было задано воссоединить всю вселенную, не потому — что она плохая, а потому, что она была сырая. Из сырой сделать зрелую и самому в этом вырасти. И вот тут общение стоит в самом центре. Так что вот вам, если хотите, картина, как мы должны общаться. Как это наяву происходит? Мы часто забываем, что наша цель — это мир среди людей. Знаете, как говорится на Рождество: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение». Между людьми должно быть благоволение. Это наша задача, но мы часто не умеем справляться с ней, нам очень трудно принять людей,

которые не похожи на нас. Для этого нужно иметь опыт, нужно уметь любить. Моя жена говорит, что умным человек становится только тогда, когда он любит. Это очень интересно. Я думаю, что это и очень верно, потому что можно быть очень головастым, но без любви ты ничего не увидишь, ничего не решишь.

(продолжение на стр. 8)

ПРИЗЫВ К МИРУ ПРАВОСЛАВНЫХ ИЕРАРХОВ АМЕРИКИ НЕ БЫЛ УСЛЫШАН

К событиям в Ираке

В этот один из наиболее критических моментов человеческой истории мы, иерархи, принимающие участие в конференции Канонических православных епископов Америки, с болью понимаем, что на наших лидеров правительства возложено тяжкое бремя ответственности, что в этот решающий момент они облечены властью решать судьбу огромного числа людей. Они должны будут принять окончательное решение на основании доступной им информации. Мы молимся за них, об их мудрости, решимости и сострадании, ибо они задумывают действия, которые могут иметь ужасающие последствия для миллионов наших братьев, включая многих из наших сыновей и дочерей.

Как лидеры Православных христианских общин Америки и как служители Того, кто на своем пути ко кресту сказал: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоанн 14.27), мы обращаемся с призывом ко всем лидерам правительства использовать все доступные средства, чтобы найти мирное решение нынешнему вызову безопасности и счастью всего человечества, поставленному силами террора и зла, которые угрожают не только цивилизованному миру, но самому существованию человечества.

Как православные христиане мы постоянно горячо молимся на каждой службе нашей церкви «о мире свыше» и непрестанно просим Господа «о мире во всем мире». Как ученики и последователи Иисуса Христа мы стремимся и ищем мир в молитве, вере и делании. Смерть, террор, разрушение и бесконечные страдания — это страшные враги, с которыми мы никогда не примиримся.

В эти уникально значимые предстоящие дни пусть добрый и любящий Господь даст всем нам, людям этой благословенной страны, знания и исполнения того, что справедливо и правильно для сохранения длительного мира на нашей планете Земля.

Архиепископ Деметриос, глава американской епархии Греческой православной церкви, Митрополит Герман, Православная церковь Америки, Митрополит Филипп, викарий Североамериканской епархии Антиохийской православной церкви, Архиепископ Николай, Американская и канадская епархия Румынской православной церкви, Митрополит Христофор, секретарь Сербской православной церкви в США и Канаде, Митрополит Иосиф, Болгарская восточная православная церковь, Митрополит Николай Амиссокий, Американская карпато-русская епархия в США, Митрополит Константин, Украинская православная церковь в США, Епископ Илия Филомелион, Албанская православная епархия.

7 февраля 2003 г. (Это обращение было опубликовано на всех веб-сайтах канонических православных юрисдикций США)

РЕАЛЬНОСТЬ И ВИРТУАЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ

27 марта в Московском Центре Карнеги под председательством доктора исторических наук, востоковеда Алексея Малащенко в рамках цикла семинаров «Религия и политика в Евразии» прошел круглый стол «Конфессиональные аспекты выборов в России 2003-2004 гг.». Основным докладчиком был шеф-редактор журнала «Смысл», бывший ответственный редактор «НГ-Религий» — Максим Шевченко.

По мнению докладчика, существуют три уровня использования религии в предвыборной гонке: федеральный, региональный и местный. На федеральном уровне, когда идет борьба «партийных списков, а голоса избирателей не имеют никакого значения», религиозный фактор носит «чисто прикладной политтехнологический характер». Власть строит особые отношения с «традиционными религиями», которых, согласно закону о свободе совести, четыре: православие, ислам, иудаизм и буддизм. Однако, за исключением патриарха Московского и всея Руси, лидеры, представляющие «традиционные конфессии», в реальности не пользуются авторитетом у верующих этих конфессий и не выражают мнения большинства — более того, любая их позиция воспринимается избирателями «наоборот». Для верующих имеют значение только мнения реальных авторитетов, которыми, например, в православии являются «старцы или духовники окормляющие более тысячи духовных чад, такие как оо. Александр Шаргунов и Владислав Свешников». Но мнение реального электората, считает Максим Шевченко, для политтехнологов не имеет значения.

На региональном уровне, продолжил шеф-редактор журнала «Смысл», ситуация иная: «Надо считать голоса», и здесь «политтехнологические стратегии федералов не работают». В частности, на губернаторских выборах «трудно применить силовые техноло-

гии». В качестве примера Максим Шевченко привел Приморский край, где «православие в меньшинстве», а большую часть верующих избирателей составляют пятидесятники харизматического толка. Власть, официально поддерживающая местного епископа, «на неофициальном уровне» ведет переговоры с представителями пятидесятников, составляющими основную часть бизнес-элиты и имеющими своих приверженцев среди руководителей региона. Максим Шевченко обратил также внимание на сотрудничество между губернатором Хакасии Алексеем Лебедем и харизматической общиной «Слово жизни». Таким образом, подытожил докладчик, на региональном уровне во внимание принимается «реальный» религиозный фактор, а не «виртуальный». Это же относится и к «местному уровню», когда речь идет об одномандатных округах, где электорат имеет «реальный контакт с властью».

Отвечая на вопрос о том, не является ли облегченный доступ в Православную церковь через крещение без катехизации способом политической манипуляции неопитами, - Максим Шевченко заметил, что крещение без подготовки явление не всеобщее — многие авторитетные священники (о. Георгий Кочетков, о. Владислав Свешников) не крестят не подготовленных людей.

По окончании выступления состоялась дискуссия, в которой приняли участие представители религиозных и общественных организаций, журналисты, религиоведы, юристы, среди которых — заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата протоиерей Всеволод Чаплин, доктор философских наук Александр Игнатенко, социолог-религиовед Сергей Филатов, соредакторы газеты «Кифа», сотрудники Московского центра Карнеги.

В МОСКВЕ ПРОШЛО ЕПАРХИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ, ПОДВОДЯЩЕЕ ИТОГИ 2002 ГОДА

Митрополит Солнечногорский Сергей

25 марта 2003 года в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя состоялось очередное ежегодное заседание Епархиального собрания города Москвы. Епархиальное собрание под председательством правящего архиерея (в Москве им является патриарх) — высший орган управления епархией. В перерывах между его заседаниями епархиальной жизнью города управляет архиерей с помощью епархиального совета. На заседаниях московского епархиального совета (его возглавляет патриарший викарий архиепископ Истринский Арсений) решаются проблемы приходской жизни, проводятся собеседования с желающими поступить в духовные учебные заведения или принять священный сан, а также с клириками других епархий, имевшими намерение перейти на служение в Москву. На епархиальных собраниях, основную часть которых составляет доклад патриарха, подводятся итоги жизни епархии и церкви за год, освещаются конфликтные ситуации и проблемы.

Обычно епархиальное собрание проводится раз в году, в декабре. Так это и произошло в большинстве епархий РПЦ. Однако в Москве собрание несколько раз переносилось в связи с болезнью правящего архиерея. Когда стало известно, что патриарх вновь заболел, последнюю из назначенных дат менять уже не стали, и патриарший доклад читали митрополит Солнечногорский Сергей и архиеп. Истринский Арсений. Они же отвечали на вопросы собравшихся.

Текст доклада пока опубликован лишь частично. Как обычно, он связан не только с жизнью епархии, но и с положением дел во всей Русской православной церкви. Из текста доклада можно узнать много интересных статистических подробностей — скажем, что в Москве и в находящихся под прямым патриаршим управлением ставропигиальных монастырях служит сейчас практически каждый десятый клирик из тех, кто служит на территории России (1485 из 17 480), хотя число соответствующих храмов (632) в 25 раз меньше числа находящихся на территории России православных приходов (16 195).

По сообщению «Портала Credo.ru», в конце собрания состоялась заслуживающая внимания полемика между председательствовавшим на собрании митр. Сергием и фактическим автором зачитанного доклада архиеп. Арсением. Отвечая на записки, митр. Сергий, также как это делал в своих публичных выступлениях патриарх, говорил о возможности причащения супругов, состоящих в зарегистрированном браке, но не венчанных, а архиеп. Арсений оспаривал такую возможность. Завершилось

Епархиальное собрание единодушным пожеланием доброго здоровья Святейшему патриарху.

Архиепископ Истринский Арсений

ПОКА НИКТО НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»

28 февраля — 1 марта в Российской академии государственной службы при президенте РФ прошла конференция, посвященная проблемам межнациональных и межрелигиозных отношений в России. В конференции приняли участие ученые и общественные деятели из разных стран Европы и Америки, преподаватели гуманитарных и богословских вузов, журналисты.

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов стала проблема религиозного экстремизма, которой был посвящен один из трех круглых столов второго дня конференции. Долгая дискуссия показала, что сам термин «религиозный экстремизм» пока еще не определен ни в правовом поле, ни в сфере общественного сознания, и что любая попытка исследования проблемы упирается прежде всего именно в его интерпретацию.

В этом контексте неожиданно для многих участников конференции прозвучало выступление ректора СФИ, свящ. Георгия Кочеткова, который

предложил уйти в определении религиозного экстремизма от предполагающего только лишь взгляд с точки зрения государства монизма, иначе говоря, не пытаться унифицировать религиозную, общественную и право-

вую дефиниции этого явления. Он предложил признать, что для церкви, общества и государства понятие экстремизма будет различным: для церкви и других религиозных объединений это — все то, что далеко выходит за рамки духа и смысла основного русла их традиции, в обществе экстремизм представляет собой выход за рамки писанных и неписанных законов его жизни, для государства же это — всякое учение и действие, ставящее себя выше действующих в данный момент законов или призывающее к этому. Аплодисменты, сопроводившие выступление, подчеркнули отмеченную присутствующими перспективность этого подхода.

Большинство участников конференции признало продолжение обсуждения необходимым.

БОГОСЛОВИЕ НА ЗЛОБУ ДНЯ

интервью с архиепископом Львовский и Галицкий АВГУСТИНОМ

(начало на стр. 1)

Мы довольно серьезно это изучали. На следующем заседании богословской комиссии, которое должно состояться после Пасхи, по благословению председателя УПЦ будут обсуждаться с участием всех благочинных Украины вопросы пастырства в современных условиях. Думаю, что тем экклезиологии и антропологии мы коснемся вскользь, просто констатируем, что сейчас есть тенденции к углубленному изучению богословия. Для Украины сейчас это тоже важно, интересно, но есть первоочередные задачи: предупреждение углубления раскола, отстаивание позиций канонического православия.

— А не открывает ли это дорогу к серьезному изучению экклезиологической проблематики?

Безусловно, открывает. Но для нас сейчас пока еще очень важно просвещение всех слов верующих. Должно быть миссионерство внутри церкви, как это ни удивительно. Потому что есть люди, которые, только начиная воцерковление, могут не придавать значения юрисдикционным различиям и ориентироваться по политическим соображениям или по тому, например, какой язык используется за богослужением.

— Как Вы прокомментируете

ли бы слова владыки Филарета о том, что магистральным направлением в жизни церкви сегодня является развитие творческого богословия?

Сначала надо договориться о терминологии, в т.ч. и в этом случае. Богословие и есть результат творчества, но творчества благочестивого ума, который признает авторитет не только Священного Писания, но и Святых Отцов и традиции. Главное в этих вещах — чувство меры и осознание собственного недостатка.

— Можно ли это назвать чувством церковной ответственности?

— Это не только церковная

ответственность, это личная ответственность, это христианская ответственность: то, что вредит церкви — прежде всего, вредит тебе.

Думаю, что Русская церковь очень богата: и наследием святых отцов и собственной богословской традицией. Нам сейчас достаточно восстанавливать эти пласты, даже делать переводы с греческого тех текстов, которые сейчас отсутствуют на русском и украинском языках. А то иногда мы топчем ногами глыбы золота и не замечаем, а где-то крупичищем, пытаемся тонны бесполезной руды перемолоть.

Беседовал Александр БУРОВ

Сознательное и ответственное воцерковление людей, возрождение подлинной соборности и личности в нашей церкви невозможны без полноценного участия всех — и клириков и мирян — в православном богослужении. Именно поэтому широко известный своей миссионерской и просветительской деятельностью священник Георгий Кочетков в течение многих лет, начиная с конца 1970-х, занимается переводом литургических текстов. Даже сейчас, будучи духовным попечителем Преображенского братства и ректором Свято-Филаретовского института, он продолжает отдавать значительную часть своего времени переводческим трудам.

В настоящее время готовится к изданию перевод с греческого языка чинов Треника — венчания, отпевания, исповеди и других. Мы попросили о. Георгия рассказать об используемых им принципах литургического перевода в связи с последним из опубликованных сборников, который также представляет собой перевод с греческого оригинала и включает основные литургические тексты. Этот перевод уже получил одобрение многих деятелей вселенского православия, в частности, патриарха Александрийского Петра VII, архиепископа Эладского Христодула и известного миссионера, архиепископа Албанского Анастасия.

МОЛИТЬСЯ ПО-РУССКИ

— О. Георгий, в прошлом году вышло в свет новое издание первого тома переводов православного богослужения — Вечерни, Утрени и златоустовской Литургии. Какие задачи ставила перед собой его редакция и, в частности, Вы как автор?

— Работа над нашим богослужебным сборником, который называется «Православное богослужение. Русифицированные тексты» (то издание, которое было выпущено в прошлом году — третье, сейчас, к слову говоря, готовится следующее, четвертое) велась по разным направлениям. Во-первых — литургическому. Нужно было максимально выявить традицию, которой сейчас придерживается в своем богослужении православная церковь, прежде всего — Русская православная церковь: поставить молитвы на свои места, показать, учитывая реальную практику сокращения богослужения, что можно сокращать, а что — нельзя, чтобы если что-то сокращалось, то пропорционально и без ущерба для на-

шей церковной традиции. Второе направление — пастырско-богословское исследование, направленное на нормализацию внутрицерковной жизни, внутриприходской жизни и внутриобщинной жизни. Все верующие должны иметь возможность полноценного соучастия, сослужения в храме, и это задает соответствующие требования к переводу (как и соответствующие требования к проповеди). Все то, что говорится, то должно и делаться. Богослужение должно было бы во всем: в жестах, в обрядах, в формах обрести голос, ожить, заговорить на языке, доступном церкви, потому что молитва церкви — это и есть язык церкви. Наконец, были еще и задачи филологическая и переводческая.

Если в первом и втором изданиях «Православного богослужения» были, в основном, решены все задачи литургического и пастырского плана, то переводы были сделаны предвзвешенно. Да, с использованием текстов оригинала, да, с консультациями у крупных

специалистов, да, с учетом опыта прежних российских переводчиков — но главное внимание ранее мной уделялось не этому.

Так вот, при подготовке третьего издания мы делали акцент уже не столько на литургических и пастырских вопросах, сколько на филологических и переводческих. Собственно, мы делали новый перевод. Мы смотрели все греческие тексты, все выверяли, и не просто выверяли, а в каждом случае искали точное соответствие перевода оригиналу. Конечно, если по литургии и пастырологии я еще могу считать себя в какой-то степени специалистом-профессионалом, то филологом и переводчиком я считать себя в полном смысле слова не могу. Над переводом мне помогала трудиться группа молодых филологов: Николай Эппле, филолог-классик (на нем лежала главная нагрузка), Кирилл Мозгов — филолог-славист и Роман Кузьмин — филолог-руси-

сты. Кроме того, со спорными вопросами мы могли обращаться к о. Михаилу (Арранцу) и, главное, к С.С. Аверинцеву.

— Вы в немалой степени ответили на мой второй вопрос, который был связан с тем, что в первой и второй редакции на первой странице стояло «русифицированные тексты», а в третьей — «перевод на русский язык». Тем не менее вопрос требует дальнейшего прояснения — с точки зрения неспециалиста тексты очень близкие, хотя и с существенными отличиями, о которых мы, может быть, еще поговорим, поэтому все-таки не до конца ясно: в чем отличие перевода от русификации?

— Мне кажется, какое-то количество перешло в новое качество, перевесила чаша весов, и мы теперь имеем основание говорить, что это перевод на русский язык: не русифицированный славянский, а славянизированный русский. И можем дерзновенно думать, что это литургический язык, а не какой-то иной, не газетный, не подзаборный, не язык

Девятая ежегодная студенческая конференция «Сретенские чтения» состоялась 22 февраля в Свято-Филаретовском институте.

Пленарное заседание открыло сообщение Людмилы Гиздатовой о катехизаторской и проповеднической деятельности митрополита Московского Платона (Левшина). По мнению исследовательницы, митрополит Платон много усилий приложил для воспитания нового поколения просвещенного духовенства в России 2-й половины XVIII в. Возрождая церковную проповедь, митрополит Платон переводил евангельские отрывки на современный ему русский язык, издал сборник проповедей, особое внимание уделяя катехизации взрослых (в том числе, цесаревича Павла Петровича). Автор сообщения считает изучение наследия митрополита

«банщиков в Сандунах», как нас пытались обвинять в газете «Русский вестник», как вы помните, в 1993-1994 годах, а настоящий литургический язык, который звучит необыкновенно высоко и хорошо, нигде не уступаю церковно-славянскому, а во многих случаях просто выигрывая в сравнении с ним. Конечно, у нас тоже есть какие-то недостатки. Я наверняка знаю, что пройдет еще много времени, прежде чем будет все отработано до тонкостей и мелочей. Но так было всегда, так было и с церковно-славянским текстом. Любой перевод, да и любой текст, если он употребляется долго народом, претерпевает изменения, «обкатывается»; иногда упрощается, иногда что-то теряет, но очень часто что-то находит.

— Вы все время подчеркиваете тот тезис, что богослужение должно быть действенным и затрагивать какие-то живые ассоциативные ряды человека. Как тогда объяснить некоторую тенденцию в сторону большей архаизации и даже славянизации текста? Вот, например, во многих местах слово «вспомни» меняется на «вспомяни», а «голос» — на «глас». С чем это связано?

— Именно с тем, что я только что сказал. Если в предыдущих изданиях использовался русифицированный славянский, то сейчас — славянизированный русский. Наш новый перевод значительно больше подчиняется законам русского языка внутренне, но торжественность речи и преемственность стиля здесь выдержана более последовательно. Мы хотим не терять даже обертонов смысла. Раньше мы иногда вынуждены были идти на такие жертвы. Вот, в частности, в тех случаях, о которых Вы говорите: «вспомяни» и «вспомни». В русском языке «вспомни» это прежде всего рациональное воспоминание, а «помяни» — слишком ушло от «вспомни». И нужно было соединить эти два смысла. Получилось «вспомяни». Аверинцев предлагал «вспомни», но «вспомни» — это, как мне кажется, еще более рискованно. Хотя мне было очень интересно узнать, что он об этом тоже думал и нашел очень близкий

СРЕТЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Студенческая конференция в Свято-Филаретовском институте

Платона особенно актуальным, так как в наше время вопрос катехизации также стоит остро: Людмила Гиздатова считает «парадоксальным» состояние людей крещеных, но неверующих.

Выпускник бакалавриата СФИ Сергей Озерский представил доклад о некоторых аспектах обновленческого раскола в Русской Православной Церкви 1923-46 гг. Обращаясь к предыстории событий, автор проследивает очевидную тенденцию к «здоровому обновлению церковной жизни» примерно с 1905 г., что проявилось в многолетней подготовке Церковного Собора 1917-18 гг. Эти тенденции в 1920-е гг.

олицетворял епископ Антонин (Грановский), оказавшийся среди «обновленцев», тогда как сами инициаторы раскола — А. Красницкий и А. Введенский — преследовали политические цели, ради которых они пошли на разрыв с церковной традицией. Таким образом, подчеркнул докладчик, невозможно однозначно негативно оценивать всех деятелей «обновленческого раскола», а дальнейшее изучение этого периода церковной истории, по его словам, поможет понять, как Церкви в своих отношениях с государством «остаться свободной и не продавать своего первородства»

Большой интерес участни-

ков чтений вызвал доклад Галины Коптевой «Юродство как эстетический феномен». Она считает, что вызывающе безобразное в облике юродивых — это не антитеза красоте, а иная эстетическая категория — красота святости, которая может проявляться самым неожиданным образом. Находкой автора ее коллеги посчитали попытку сравнить особую эстетику юродства и эстетические концепции русских символистов и «беспредметников». В заключение своего сообщения Галина Коптева предположила, что в настоящее время нет юродивых потому, что понятие «нормы» настолько размыто, что «юродивым кажется чело-

век нормальный, верующий в Бога и живущий по заповедям». Далее работа чтений продолжилась в секциях.

(Из сообщения информационного агентства «Благовест-инфо»)

Мнение декана СФИ Ларисы МУСИНОЙ:

На мой взгляд, конференция смогла дать представление о том уровне образования, который способен дать наш институт. Иногда мы «комплексим» по поводу того, достаточно ли хорошее образование мы даем — ведь большинство студентов у нас учится вечером, совмещая учебу с работой. Однако целый ряд докладчиков обнаружил не только умение работать с материалом, но и то, что им есть что сказать современному слушателю. В числе таких докладов я бы в первую очередь назвала три

доклада исторической секции: Людмилы Гиздатовой о митре Платоне Левшине, Сергея Озерского об обновленческом расколе, Галины Коптевой о юродстве как эстетическом феномене. (Людмила и Сергей — выпускники бакалавриата, а Галина — студентка магистратуры). Это были серьезные работы, высокий исследовательский уровень которых был признан присутствующими на заседании профессиональными историками. Работы показали, что их авторы способны к глубокому осмыслению и анализу проблем, актуальных как для внутренней жизни Церкви, так и для ее диалога с миром.

Остается только пожалеть, что нам не удалось обеспечить достаточного присутствия на конференции представителей других учебных заведений, хотя в этом году мы впервые планировали сделать ее открытой.

нашему вариант. Иногда наши находки совпадали буквально, и это меня приводило просто в восторг. Когда мы достигли уровня, на котором стали совпадать с мэтрами, прежде всего с великолепным творчеством С.С. Аверинцева, которого никто не обвинит в безвкусице и некомпетентности (меня, покуда я не филолог и не переводчик, можно было обвинять в чем угодно, а его — нет), для нас это стало знаком некоторой зрелости. И мы начали свободнее пользоваться вот такими архаизмами, которые часто еще живы в современном русском языке, богатом славянизмами. Скажем, в таком качестве существует и слово «глас», о котором Вы говорили.

— *Есть в переводе второй молитвы Вечерни очень красивое место: «Приведи нас в тихую гавань — к исполнению воли Твоей». В славянском тексте стоит — «Настави нас ко пристанищу хотения Твоего». Как возник вариант «тихая гавань»? Может быть, это из какого-то греческого текста?*

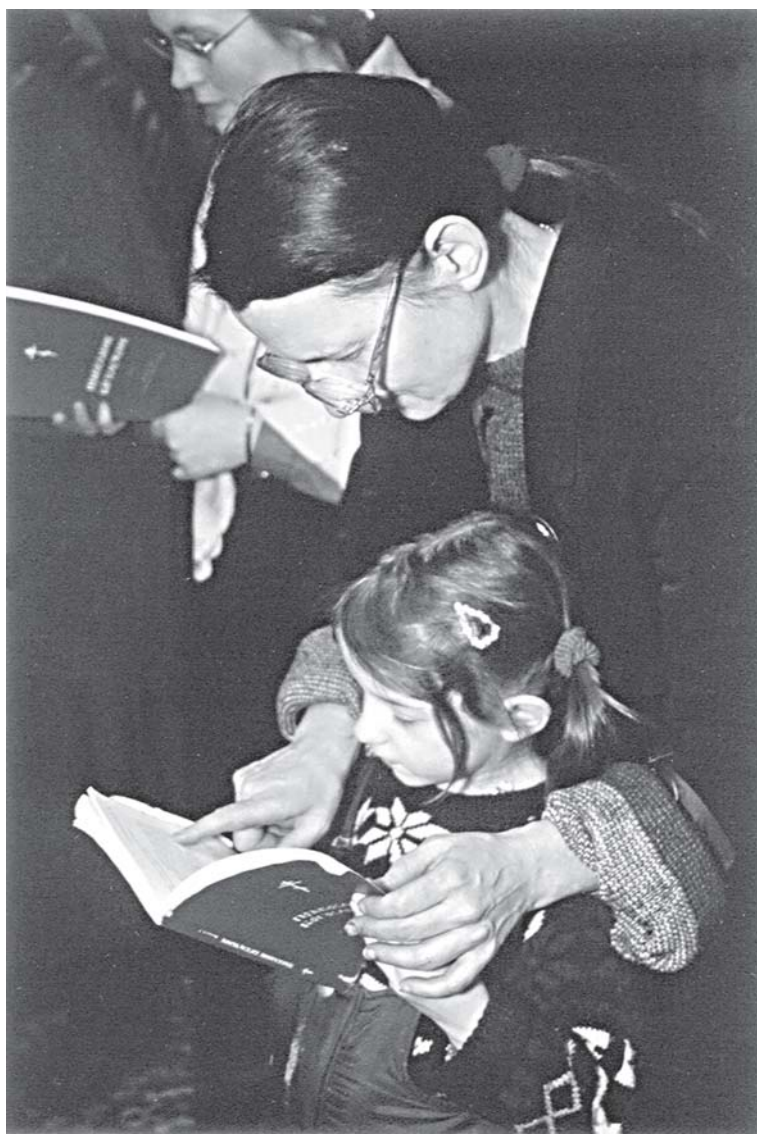
— «Пристанище» — это пристань, это и гавань. Но из контекста ясно, что имеется в виду пристань, гавань укрытая, тихая. Чтобы выявить смысл, нужно было это как-то подчеркнуть. В современном контексте гавань может быть какая угодно, в ней может не быть ни тишины, ни покоя. Зачем тогда человеку в нее приходить? Современный человек этого не понимает. Это то же самое, что просить Бога привести человека, скажем, в аэропорт. Нет ассоциаций. Поэтому нужно было восстановить смысл, восстановить этимологию, тот дух, ту атмосферу, в которой все это звучит. Если «пристань» поменять просто на «гавань», то теряется смысл. Оставить пристанище? В русском языке есть такое слово, но это тоже совсем не «тихая гавань». Это что-то, похожее скажем, на гостиницу, куда я пришел, и плюхнулся в кресло, радуясь, что нашел себе пристанище.

Мы в целом ряде мест давали чуть-чуть описательные переводы, потому что без этого было нельзя донести точный смысл оригинала. Церковно-славянский текст

богослужения самой своей неизменностью был долго отделен от молитвенного языка русскоязычной церкви, от языка молитвы русского народа, слишком долго, и поэтому, конечно, были неизбежны какие-то поиски, иногда даже особое дерзновение.

— *Не могли бы вы пояснить и замену в анафоре слова «жертва» на слово «служение»? Мне кажется, что жертва предполагает какое-то усилие, но имеет менее радостный настрой, чем слово «служение».*

— Безусловно. Это очень сложный случай. Буквальный перевод с греческого — «мы приносим службу». Но по-русски так сказать нельзя: мы совершаем служение, но не «приносим службу». Дело осложняется тем, что в оригинале здесь стоит глагол, который употребляется только по отношению к жертвоприношению. И когда грек читает «приносим службу», он имеет в виду и принесение жертвы и совершение служения, или жертвенное служение. Может быть, нам надо было так и написать: «мы приносим Тебе это жертвенное служение»? Но это сильно утяжеляет текст. Если бы в русском языке было какое-то короткое слово, это можно было бы сделать, но пока мы имеем лишь то, что имеем. Мне хотелось оставить «приносим жертву», имея в виду что всякое священнодействие, священнослужение — это и есть жертвоприношение. У нас в современном языке все это давно разошлось в разные концы, и люди не понимают, что это одно и то же. Когда занимаешься переводом, все это удивительно воскресает в памяти. Просто захлебываешься от восторга, когда читаешь греческий текст — и не просто читаешь по-гречески, а еще и переводишь, соотносишь со стихией и русского, и славянского языков, когда возникают ассоциации и из еврейской, латинской и других культур (что очень важно, к слову говоря)... Пока мы оставили и «приносим», и «службу» — так, как это буквально дано в греческом оригинале. Мы долго думали, но голос С.С. Аверинцева в конце концов перевесил.

— *Как бы Вы оценили современное состояние дела перевода богослужения на русский язык? В известных мне официальных церковных документах говорится, что ни в Писании, ни в Предании нет оснований для существования сакрального языка, и что перевод на национальные языки всегда был неотъемлемой частью традиции православной миссии. С другой стороны, как только речь заходит о русском языке, все ограничивается констатацией необходимости нового славянского перевода и замены отдельных слов.*

— Общецерковно — ничего не делается. Делается только по личной инициативе отдельных членов церкви. Впрочем, почва для этого в церкви созревает. Потому что и историки, и филологи, и патрологи, и литургисты так или иначе сталкиваются с богослужебными текстами и то тут, то там

при исследовании и описании православного богослужения все-таки дают свои новые переводы. Есть переводы наших архиереев, скажем, архиеп. Херсонского Ионафана. Он издал перевод богослужения в Таврической епархии. Это очень нужно и очень важно, и мы ему очень благодарны.

Существуют богослужения на национальных языках: на латышском, на чувашском, на казахском, на татарском... Пусть иногда существующие переводы очень слабые или очень архаичные, но все же они делались и делаются.

Есть новые переводы Священного писания. Кроме новозаветных переводов С.С. Аверинцева, которые, слава Богу, вышли в официальном журнале ОВЦС «Церковь и время», есть интересные поиски и находки у В. Кузнецовой, С. Лёзова, М. Селезнёва, игум. Ин-

нокентия (Павлова). Люди трудятся ради Господа, и поэтому все это пойдет в дело. Эти наработки необходимы, даже если с чем-то в них не согласятся. Жаль, что нет обсуждения новых переводов.

— *Если говорить об обсуждениях — был ли, на Ваш взгляд, какой-то плод всей проходившей в последние годы дискуссии о переводе богослужения, и был ли, в частности, добрый плод у тех событий 1993-2001 гг., которые были связаны с Вашим именем?*

— Дискуссии, обсуждения как такового на самом деле еще не было. Прошедшие же «дискуссии» не были рождены церковной почвой, они были спровоцированы и проходили, на самом деле, не в Церкви, а «около» нее. И наши «оппоненты» отбросили церковь назад: не было церковного обсуждения ни вопросов евангелизации, ни даже решений собора 1917/1918 гг. о возможности богослужения на русском и украинском языках. Сейчас закрыли саму дверь для нормальной дискуссии, и поэтому по местам началась самодеятельность. Я знаю много случаев, когда священники, даже неплохо образованные, самодеятельно русифицируют богослужение, что получается весьма поверхностно, с ошибками. Но все-таки лучше пусть хоть что-то делают. Я считаю хорошим знаком, что то тут, то там епископы и священники сами приходят к тому, что дальше так жить просто нельзя...

Во многом вследствие того, что в церкви был перекрыт нормальный ход вещей, мы и продолжаем нашу самостоятельную работу. Мы считаем, что это наше призвание. Несмотря на то, что силы у меня малые, и возможности малые, это остается за нами как наш приоритет. Я с удовольствием поделился бы накопленным опытом. У меня большой опыт, в том числе и русского богослужения, поэтому я слышу, как перевод будет в храме звучать. Я был бы очень рад, если бы появилось много разных переводов. И дай Бог, чтобы наша работа уже сейчас могла стать для кого-то вдохновляющим примером.

**Беседовали
Дмитрий МАТВЕЕВ и
Анастасия НАКОНЕЧНАЯ**

ЮРСКИЙ Сергей Юрьевич
(р. 16. 03. 1935) — актер, режиссер, сценарист.

Родился в Ленинграде. Окончил Ленинградский театральный институт им. А. Н. Островского (1959). С 1957 — актер БДТ им. М. Горького в Ленинграде, с 1979 — актер и режиссер театра им. Моссовета в Москве. Режиссер театральных спектаклей и постановок. Создал уникальный театр одного актера. Чтец 15-ти программ классических и современных авторов. Повесть «Чернов», написанная им в середине 70-х годов, стала литературной основой режиссерского дебюта в кино. Лауреат Государственной премии. Премия «Кинотавр» в номинации «Главные призы в конкурсе «Фильмы для избранных?» за 1991 год. Заслуженный артист РСФСР (1968). Народный артист России (1987).

“ДИАЛОГ ДОЛЖЕН ПРОРЫВАТЬСЯ СКВОЗЬ ТРУДНОСТИ”

Беседа с Сергеем Юрским

— Вы уже не в первый раз встречаетесь с братствами в Москве, в Архангельске — что значат для Вас эти встречи?

— Я сдал позавчера верстку своей книги, которая называется «Попытка думать». Это эссе на разные темы: об Ибсене, об искусстве, об А.П. Чехове, о Михаиле Чехове, о Бродском, о кино. Завершается все это единственным интервью (все остальное — это статьи), интервью с А.М. Копировским, моим впечатлением — мгновенным мазком таким — об Архангельской встрече. И получилось так, что вся книжка движется к этим встречам. Поэтому для меня это значит очень много, хотя я не могу считать себя членом братства. Так я и заканчивал эту книжку: я тот сторонний наблюдатель, который с берега неотрывно

ездка, с которой начался мой сезон, оказываются важнейшими событиями, мостами, по которым я иду своей актерской, писательской, человеческой дорогой.

— Может быть, к этим поездкам добавятся еще другие такие же?

— Ну, может быть. Я каждый раз удивляюсь, что это получается.

— Сергей Юрьевич, сейчас очень много говорится об отношениях церкви и искусства. В церкви очень часто говорят о том, что театр ей не нужен. И наоборот, люди искусства, люди театра, мастера, профессионалы часто говорят так, что можно понять, что церковь не нужна. Скажите, пожалуйста, есть ли здесь возможность какого-нибудь диалога и есть ли какие-нибудь пути этого ди-

вчера спать в три часа ночи...

— Я вижу.

— Да, диалог идет.

Когда меня спрашивают: «Идти ли мне в театральный институт?» Я говорю: «Нет, не надо». — «Почему вы думаете так?» — Я говорю: «Да нет, не надо». — «Но я очень хочу!». — «Ну, попробуйте. Но я никому не советую». И я вижу, что энергия от этого увеличивается.

Мне кажется, что если звать к диалогу, и церковь будет традиционно говорить: не надо нам, у нас своя культура, не надо нам той культуры; и театр будет говорить: как это, а тогда зачем мы? Мне кажется, что диалог должен прорываться сквозь трудности, сквозь то, что традиционно это вещи все-таки не совместные — но жизнь изменилась, мы живем в двадцать первом столетии. Прошли уже и времена, когда утверждали, что духа нет, что дух умер, нет их уже, прошли; были времена, когда говорили, что театр умер, было время, когда говорили, что че-

ловечество вот-вот умрет... Пока все живы, и мне кажется, что все живое — оно друг другу не только мешать не будет, оно и так будет стремиться друг друга видеть, а призывать к тому, чтоб это было, вовсе не обязательно, пусть это будет через трудности. Вот такое у меня ощущение.

— Близкий к этому вопрос о диалоге поколений. Вы — представитель поколения шестидесятников, если так можно сказать. Какими Вы видите пути налаживания диалога с последующими поколениями, которые, может быть, чувствуют себя «задавленными» поколением шестидесятников, которые уходят в то, что называется постмодернизмом?

— Разрешить — не знаю как, а ответу очень коротко: новые поколения — не каждый член этого поколения, а в целом — они столь же задавлены, сколь и агрессивны. Те, кого называют шестидесятниками, ощущают жуткую их неприязнь, уничтожительный напор, я бы сказал. Он касается не только шестидесятников, он касается и того, что называется классикой, XIX веком, началом XX. Примирить? То же самое скажу: они сами должны примиряться. Я не собираюсь тому, что молодо, поклоняться только по этой причине. Я думаю, что дело не в том, кто в 60-х начинал действовать, кто в 90-х начинал действовать. Дело в том, что действовать надо во имя двух вещей: истины и милости. Там, где есть истина и милость, там нет разделения: это отжило, это не отжило, потому что эти два понятия не отживают. По этому критерию, мне кажется, нужно судить. И пусть каждое поколение на себя поглядит и подумает, как оно соответствует этому делу. А говорить: вы отжили — вы уходите, ну это всегда было, разумеется, и пора когда-нибудь будет уходить, однако не подталкивайте уж так сильно. Как сказал Пушкин (на этом и закончим):

И наши внуки в добрый час

Из мира вытеснят и нас!

Покамест упивайтесь ею,

Сей легкой жизнью, друзья!

Ее ничтожность разумею

И мало к ней привязан я...

беседовал Александр БУРОВ

БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ

Слово на праздничной встрече

Бывает, что человек говорит: «Это ужасно какой день сегодня! Ведь так хорошо все шло, и как раз вчера денги большие пришли, и дети у меня здоровые, парень только ногу рассадил, а так вообще все замечательно у меня, и перспективы у меня наладились. И надо же! собрались ехать на дачу — замок застрял и все, мы не попали на электричку в 12.11, а ехали уже в час двадцать. День жуткий. Господи, за что меня так? Мне-то за что?» И бывает другое. Люди идут трудным путем и погода все время серая. Ничего нет, ни просвета, ничего. И потом вдруг из-за деревьев появляется кусок солнца, чуть-чуть пригрело. И — какое совпадение! — это просто для меня, это для меня! Серость у других, а у меня вот оно!

Сегодня я вижу целое собрание вот таких людей «второго типа». И передо мной возникает какая-то картинка громадной, широкой реки. Может быть, Северной Двины (я еще не видел ее, но я так предполагаю). Я знаю другие реки, большие, широкие реки, и наши и не наши, громадные. Я вижу нашу реку Амур, которую видел не

так давно. И я стою на берегу этой реки. И рядом со мной направо и налево стоят какие-то явления гигантские, стоят турфирмы, предлагающие роскошные путешествия, стоят рекламные, предлагающие покупать скорее автомобили именно «Volvo», а никак не «BMW», и другие рекламные, которые предлагают покупать именно «BMW», но никак не «Volvo». Стоят громадные небоскребы. Все это так стоит. А река течет мимо всего этого, бесконечно грязная, по которой потоком идет мусор, в которую стекают какие-то нечистоты, химия, отходы заводов, отбросы, мертвая рыба. И вот течет все это. И к моему великому изумлению поперек течения плывет пароходик, на котором флажки какие-то, песня слышится довольно дружная. Пароходик покрашен. Название издали не разобрать. Мачта нормальная, из крепкого дерева, и паруса есть, и даже машина есть, видимо, старая — пытит. Но идет! Поперек течения! Мимо всей грязи! К великому моему изумлению даже некоторое количество воды вокруг этого пароходика чистое. И там не видно ни мусора, ни химии, ни отходов. Некоторое пространство вокруг есть. И он прет прямо против течения. Я стою далеко на берегу и думаю о том, что наверно, можно было бы позаиводать людям, которые на этом пароходике, потому что они отличаются от всего что и на берегу и на самом течении. Но я постараюсь им не завидовать, а остаться свидетелем на берегу, потому что обязательно кто-нибудь должен быть свидетелем этого, чтобы об этом рассказать. Вот мое вам слово.

смотрит на это движение, отчасти завидуя ему, отчасти думая, не присоединиться ли мне к нему. Но по разным причинам я не могу этого сделать. Просто я нахожусь в другом приходе, в другом ритме жизни, поэтому не получится. Однако и сегодняшнее солнце, и Сретение, проведенное здесь, и Архангельская по-

алого между искусством и церковью, между церковью и искусством?

— Он уже идет. И Ваше пребывание здесь — человека, приехавшего из Питера, человека, который тоже занимается другим делом, не является священником, монахом, однако приехал сюда, и то, что я здесь оказался сегодня, хотя я лег-

Да что же это какие банальные сны мне снятся! С телевизором или без телевизора, но все это давно известно. Тысячи лет назад написано Екклесиастом, или Проповедником: «Что было, то и теперь есть, и что будет то уже было». И во все века были схожие кризисы и всеобщее помрачение ума. И не мешало это ни детей рожать, ни пировать, ни золотые замки строить. Искусства замирали, но не умирали, а возрождались из пепла. Так что крутится эта вечная мельница, движимая вечно текущей водой, перемалывает поколения одно за другим, и нет конца, и нет перемен. «И всё суета сует». Мудр был царь Соломон. Однако прошли века, и перемена случилась. Сверкающее соединение Власти, Богатства и Мудрости наткнулось на носителя Духа, одетого в рубище. И с Иисусом Христом принесено было в мир слово ВОСКРЕСЕНИЕ, и тогда, если можешь верить в невидимое, то не всё «суета сует и всяческая суета». И есть продолжение. И есть Власть над Властью и Богатство над Богатством, Мудрость веры над Мудростью.

Какая нелепость, какая выпендренность, с точки зрения нормального человека любого века, хоть сейчас, хоть

шись, что те будут стрелять мимо, надеясь и деньги заработать, и потребовать у начальства новые снаряды, потому что «боекомплект истрачен», «война идет». Такого не было.

Заговор 11 сентября ноль первого года с уничтожением нью-йоркских небоскребов и нападением на вашингтонский Пентагон — такого не было до этого! И не только в невероятности масштаба разницы. Это осуществляли небывалые ранее люди. Может быть, даже не люди, а другие существа. Они воспитанники нашей цивилизации, они технически подготовлены и обучены. В их адском разрушительном акте нет даже гордыни Герострата, желающего вписать свое имя в историю, потому что имена изменены и потому что их много. В них нет горячей истерики фанатизма, потому что в горячке нельзя столь точно координировать свои действия. При этом они знали (не могли не знать!), что ни у кого из них нет ни микроскопического шанса на спасение. Одновременное самоубийство нескольких групп в целях уничтожения громадной массы людей.

НЕ БЫВАЛО ТАКОГО...

ИЛИ БЫВАЛО?

Назовем две фамилии — Гриневиц-

формальным признакам оба взрыва были актами индивидуального террора, совершенными по заданию боевой группы. Исполнитель — жертвенный герой, цель узко очерчена.

XX век потрясли не раз волны массового, государственного террора. Это были чудовищные «чистки» на национальной или этнической почве под названием геноцид — прежде всего и страшнее всего Холокост. Но не только Холокост. Далее — это были самые кровавые, государственно-террористические периоды гражданских войн — Советская Россия, Испания, Индонезия, Камбоджа, Бангладеш, Судан.

В этих невероятных по масштабам акциях уничтожения людей рациональные цели борьбы за власть, за жизненное пространство, за передел собственности перемешивались с мистическими проявлениями энергии зла. Насилие порождало всеобщий страх. Всеобщий страх породил насилие. Круг жертв и круг палачей мог произвольно расширяться, доходя до абсурдной цифры — пятьдесят процентов населения. Дьявол, вселившийся в людей, выступал в разных обликах, прикрывался разными масками и назывался разными именами.

очень получается. Организатор и спонсор международного терроризма мог бы сказать — это сделал я! Терять ему все равно уже нечего, а поддержку мусульманских экстремистов он и так имеет. Сказав: «Моя работа», он добьется своей (казалось бы!) главной цели: раскол мир надвое, одни против него, другие за. Но он не говорит этого.

Коалиция цивилизованных государств борется с противником, не имеющим лица. Америка говорит — контртеррористическая операция будет длиться долго, она не ограничится Афганистаном, террористы должны быть уничтожены везде, где бы они ни находились. Какие странные, какие общие слова!

ПЕСОК, ПЕСОК... из него торчат намеки на человеческое жилье. Обломки строений, среди которых бродят бородатые люди в длинных одеждах. То ли это бывшие города, то ли в этих песках такое пространство называется городом. Очень серьезно, с пугающей технологической толковостью обсуждают проблему пещер — они, террористы, спрячутся в пещеры, они там привыкли прятаться, там у них и вода, и дети, и семьи, и скла-

НЕ БЫВАЛО ТАКОГО... ИЛИ БЫВАЛО?

Сергей Юрский

тогда, человека, который ест, пьет, удовлетворяет естественные желания и справляет естественные надобности. И таковы все люди. Во всяком случае, большинство. И однако... однако... споткнулся мир. И, хотя бы формально, принял отмену «суеты сует», и Пасха стала Воскресением. И начался новый счет времени. Хоть формально, но все люди живут две тысячи лет по этому новому счету времени. Во всяком случае, большинство.

Уже сто с лишним лет назад то, что набухало, в умах, в сердцах, у кого с ужасом, у кого с радостью, было произнесено гениально безумствующим. Фридрихом Ницше: «Бог умер!» И пошло-поехало богоискательство всех видов, раскол, потом раскол раскольников, потом откол от отколовшейся части. Тут вспомнили, что еще Великая французская революция и Бога, отменила (декретом), и календарь поменяла (на время). И тогда сотни миллионов людей с легкой, но крепкой руки нашей Великой России воскликнули: «А Бога и не было!» ..

Теперь сияют подновленные купола и колокольный звон несется над Casinos и Night clubs. Наука жизни откровенно исходит из постулатов Мамоны. Без всякой насмешки повторю: «В конечном счете нашу жизнь определяет объем продаж!» И действительно так! «Sic!», как отмечал Владимир Ильич. И на этом фоне повторяется, что было при царе Давиде, и при Соломоне, и в империи Древнего Рима, и в переломе Средних веков, вдруг блеснувших Возрождением. Взятки, воровство в масштабах целого государства — было! Мошенничество, которое приводит к верховной власти, — было! Запредельное богатство и запредельная нищета — было! Похоть и извращения как ведущий стимул существования — было! Жестокость, войны, кровь, голод, доводящий до людоедства, — было!

А вот — (документальная информация) — бабушка и папа с мамой продали своего пятилетнего внука и сына за 100 000 долларов «на органы», на расчленение, «на запчасти». Такого не было! Такое только теперь есть.

Военные из регулярной армии великой державы — (документальная информация) — продали боеприпасы воюющей с ними стороне, договорив-

кий и Штауфенберг. Попробуем сравнить. (Важно, очень важно понять, длится еще время вместе со всеми его радостями и ужасами, с шекспировским «Мир вывихнут в суставах», но вывихнутые суставы это все-таки хоть и больной, но *тот же организм мира*, или время сломалось и мы, осколки прежнего мира, УЖЕ находимся в ином измерении.)

Бомбист Гриневицкий покушался на очень прогрессивного (как выясняется) русского царя Александра II. По заданию террористической партии он рассчитывал убить царя и смертельно рисковал сам подорваться на собственной бомбе. Он шел на это во имя идеи. «За народ, против самодержавия» — так думал он, и так нас учили в школе в 40-е годы. Он готов был умереть за идею, и чтобы все узнали эту идею, чтобы она победила. И все-таки был для него маленький шанс остаться в живых — убить и убежать. По крайней мере, так планировалось покушение. Думал ли он о том, что при взрыве пострадают кучер, охрана, адъютанты, прохожие на улице? Думал, наверное, но не принимал во внимание. Если сам рисковал жизнью, что до жизней других? Да более того — все эти адъютанты и даже прохожие (которые потом и скрутили Гриневицкого) — приспешники самодержавия. Для террориста никак не могли они выглядеть «ни в чем не повинными людьми» — все виноваты, что существует самодержавие.

Однорукий Штауфенберг, блестящий офицер генерального штаба, взял на себя осуществление заговора генералов и уничтожение Адольфа Гитлера. Он тоже смертельно рисковал, пронося бомбу в ставку фюрера и ставя механизм убийства на взвод. Идея спасения Германии от «бесноватого ефрейтора» вела его. Он был горд взятой на себя миссией и знал, что им гордятся единомышленники. Он был готов к возможной собственной смерти, но все же был шанс спасения. В случае успеха заговора Штауфенберг вошел бы в новое руководство страны.

Оба тираноборцы взорвали свои бомбы. Оба уцелели при взрыве. И оба были казнены. Александр II и Гитлер не имеют между собой ничего общего, но заметим, что и русское самодержавие рухнуло, и Третий рейх рухнул. По

«Я, такой-то, готов умереть, но убить такого-то во имя справедливости» — это XIX век, это давно отошло в область романтических преданий.

«Мы, такие-то, хотим убить всех тех, чтобы нам было лучше. Имеем право, потому что натерпелись!» — это уже XX век.

А вот XXI век предъявил нечто непостижимое. Нет «я», нет «мы», и никто не взял на себя ответственность. Безымянные существа в облике людей без малейшей надежды на собственное спасение без каких бы то ни было объявленных целей уничтожили массу абсолютно им неизвестных и разнородных человеческих особей. У акции нет ни имени, ни лица, ни лозунга. Потрясенный мир пытается ввести ужас случившегося в рациональную сферу. Злу стараются придать лицо Бен Ладена. Но это не

ды, и высшая власть, там и есть их жизнь — под землей, под песком. И говорят, есть опыт, как выкуривать их оттуда, как расставлять мины, чтобы взрывная волна пошла вниз большой волной и сожгла все. Это наш, российский опыт, и мы знаем, чем он кончился. Теперь с нами советуются. Очень интересно, как сжигать моджахедов в пещерах.

Песок, песок, все уходит в песок... Нет, не уходит, а превращается в песок. Все... есть песок.

Он все со временем забудет, В неволе обретет покой, Не воспоеет и не осудит Пришедших. Старческой рукой Песка хватает бестелесность, Ища тепла, но ночь близка. Уходит в темь он, и местность, И холод пляжного песка.

(Из книги «Игра в жизнь»)

«Приобретения» Работа 1852 г. Из коллекции Михаила Погодина.

СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В журнале «Континент» опубликованы новые документы по «делу священника Павла Адельгейма»

Выписка из протокола
епархиального совета Псковской епархии 20.12.2002 г.

Участник Епархиального Совета: Книга говорит о душевном нездоровии иерея Павла. Иерей Павел церковный диссидент.

Участник Епархиального Совета: Книга священника Павла Адельгейма «Догмат о Церкви в канонах и практике» является вредной для всех времен и народов. Автор поставил себя в ряд Иуды, нераскаившегося разбойника, Демьяна Бедного и других «ревнителей» Церкви

Участник Епархиального Совета: Если протоиерей Павел пытается войти в роль религиозного диссидента или мученика, или вопиющего в пустыне, так для этого существуют иное место: политические или театральные подмостки.

Участник Епархиального Совета: Клеветническая книга «Догмат о Церкви» одновременно может расцениваться как свидетельство того, что наш Владыка не дает свободу никаким нововлениям и реформаторам. А автор книги «Догмат о церкви» при мне лично высказывал мнение, что целесообразно передать приходов двадцать Загубежной Церкви; а о том, что богослужение следует перевести на русский язык, он говорил на одном из Епархиальных Советов. Считаю, что необходимо временно отстранить от служения протоиерея Павла Адельгейма, назначить беспристрастную комиссию, по результатам работы которой судить о возможности его дальнейшего служения.

Участник Епархиального Совета: Новый Арий явился! Братия, в нашем стаде появились волки. После этой книги не считаю протоиерея Павла христианином.

Участник Епархиального Совета: Мы крайне обеспокоены той клеветой, той сатанинской провокацией, с которой выступил о. Павел Адельгейм. Мы обращаемся к Вашему Святейшеству с нашей душевной просьбой предать о. Павла Адельгейма церковному прещению за его клевету, гнусную провокацию против нашего Владыки, да и против всего Епископата нашей Русской Церкви, а его книгу считать как душевную, подлежащую уничтожению.

В очередном номере журнала «Континент» опубликована большая подборка документов, посвященная «делу священника Павла Адельгейма». Она подробно знакомит читателя с обвинениями, предъявленными о. Павлу на епархиальном совете Псковской епархии и в письме архиеп. Евсевия, а также с комментариями о. Павла на эти обвинения.

Приводим краткие отрывки из протокола, наглядно показывающие разницу богословских и этических позиций клириков епархии.

Участник Епархиального Совета: Книга «Догмат о Церкви» — актуальная и нужная для церковного самосознания — отнюдь не является персональной инвективой против правящего архиерея, как это может показаться при поверхностном знакомстве с нею. В XX веке под угрозой исчезновения оказались структуры, на которых веками строилась жизнь: уничтожены общественные классы, на наших глазах разрушается семья. В результате коммунистического террора и апостасиса исчезает одно из важнейших свойств Христовой Церкви — соборность, воле-неволей подменяемая ныне корпоративной властью епископата. Нужно воспользоваться той исторической передышкой, какую нам предоставляет нынешнее время, чтобы возродить в церковной жизни дух свободы и творчества, преодолеть опасное дистанцирование интеллигенции от церковной деятельности. Как верно отметил в свое время Н.А. Бердяев в «Философии свободного духа»: «Церковь, выявляясь и воплощаясь в мире природном историческом, может принимать формы, свойственные этому миру». К его словам можно добавить: «и язы этого мира». «Духовный сталинизм» — одна из язв этого мира, которой болеет Церковь.

Участник Епархиального Совета: Ваше Высокопреосвященство, свою книгу о Павел послал священноначалию, фактически во вторую инстанцию церковного суда, поскольку в книге затрагивается вопрос управления епархией Вашего Высокопреосвященства, с указанием на отрицательные моменты этого управления.

В этой деликатной ситуации священнику Псковской Епархии не уместно обсуждать действия своего Архиерея. В связи с этим, я воздержусь высказывать личное мнение по положениям книги, где затрагиваются отношения Архиерея и священника. Остальное содержание книги произвело на меня хорошее впечатление. Автор затронул актуальные проблемы современной церковной жизни, четко изложил свою позицию и убедительно ее аргументировал.

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

Сразу после первого прочтения книги о. Павла у меня появилось желание ее перечитать с тем, чтобы уяснить основные принципы управления церковью и некоторые вещи даже выучить наизусть, например: «Епархиальное собрание предусмотрено уставом РПЦ для «соборного содействия клира и мирян в каноническом управлении местной церковью — епархией». Понимание этих вещей необходимо и для себя самого, и если Господь приведет когда-нибудь говорить о церкви и отстаивать ее права на официальном уровне.

Мне кажется, на самом деле проблема коренится не только в частом нарушении канонов иерархией, не только в подмене служения людям армейской дисциплиной, послушания — подчинением, но в равнодушии современных христиан к церковным вопросам, в безответственности за нашу общую церковь, непросвещенности и перенесением рабской советской психологии в Церковь Христову. Христос готов нас принять такими, какие мы есть, какие мы к Нему приходим, но было бы странно с нашей стороны оставаться такими же. Когда человек приходит в церковь, для него естественно инте-

ресоваться, в первую очередь, личным благочестием. Но когда он в церкви три, пять и более лет, и его по-прежнему волнуют только собственные проблемы, это показывает его реальную несоединенность с другими людьми и Богом и становится грехом. Реальное его положение в церкви оказывается сомнительным, как сомнительно положение человека, который живет в семье, где масса проблем, а он не хочет видеть эти проблемы, не хочет знать, какова норма жизни в семье и как поправить свою собственную жизнь. Эта незаинтересованность христиан в церкви позволяет «разным духам» жить в ней и управлять ею, а мы часто даже не имеем и не хотим иметь глаз, чтобы видеть это. Положение кажется безвыходным. И это отражается в настроении отца Павла Адельгейма, когда он говорит, на что рассчитывает, публикуя свою книгу. Я приведу здесь эти слова. Это самый последний абзац: «У меня немного надежды быть услышанным. К свидетелям бывает разное отношение. Изредка им внимают. Чаше убивают, как пел когда-то В. Высоцкий: «Провидцев, как и очевидцев, во все века сжигали на кострах»».

Хочется сказать: «да не будет», но я понимаю, что это зависит в том числе и от нас.

Александра ОШАРИНА

УВИДЕТЬ СВЯТОСТЬ В ДРУГОМ

(начало на стр. 2)

— Недавно в Москве прошёл съезд, на котором представители миссионерских отделов разных епархий обсуждали проблему миссии и катехизации в церкви. Как Вы относитесь к этой проблеме? Есть ли в Вашем приходе оглашение мирян?

— Мне кажется, что у миссии есть два аспекта. Есть аспект такой: скажем, миссионер идёт в новую страну, где живут язычники, и старается с ними подружиться. И когда подружится, спрашивает у них: «Какая у вас вера?» И они расскажут: мы верим в дерево, в солнце, но мы верим также в звёзды, и вот чем выше, тем лучше... И миссионер говорит: «Ох, как прекрасно! Я чуть-чуть добавлю, будет ещё лучше». И говорит о Христе. И действительно, и звезда служила Христу, и небеса служили Христу, и возможно, что представления людей могут быть направлены на Истину, только у них не хватает откровения. И вот Господь поручает некоторым людям, например, Кириллу и Мефодию или Вениамину Московскому, прийти и сказать — вот этого вам не хватает.

Другой аспект миссии — это научение, катехизация, о которой вы говорили, что сами прошли катехизацию, чтобы стать ответственным за свою веру. Я, когда родился, был верующим, и я никогда не терял веру, родители были хорошие, они меня направляли. Но когда я был молодым, я совершенно не умел защищать свою веру. Даже когда я поступил в институт, я не умел этого совершенно. Потребовались годы приобретения знаний, чтобы стать сознательным в своей вере. Я и до сих пор учусь, я до сих пор читаю Евангелие, чтобы понять, где всё находится. Тот, кто идёт на миссию, должен быть очень чистым человеком. Я не вижу, какой может быть ещё метод челове-

ческий, чтобы убедить другого поверить. Вот у меня есть такой замечательный пример. Это было 35 лет назад, я ещё был мирянином, преподавал в университете. Летом у нас проводились усиленные курсы русского языка. Я тоже подрабатывал. К нам приезжали разные русские из разных мест. Одна моя ровесница по имени Таня, из Советского Союза, заинтересовалась моим внутренним миром, моей верой. Она была неверующая и осталась неверующей, эти разговоры на нее никак не повлияли. Она вышла замуж, живёт в Лондоне. И вот совсем недавно, года три тому назад (35 лет спустя!), она пришла ко мне в церковь. Я удивился (так по-доброму): «Как так? Ты в церковь пришла?» Она не обиделась, она сказала, что хочет креститься, и не только она, но и ее муж. А муж англичанин, крещённый, но «не практикующий». И она мне сказала, что познакомилась, уже давно, с одной Валентиной из Петербурга, которая делает фильмы на религиозные темы. Она убеждённый христианин, эта Валентина. Она приезжает в Лондон, чтобы иногда снимать владыку, она даже про меня фильм сняла. И останавливается она у этой Тани. И Таня мне говорит: она такой хороший человек, что я хочу быть такой, как она. Я никогда о таком не слышал! Понимаете, просто человек увидел святость в другом. Вот это настоящая миссия. Без осечки. Я знаю эту Валю, и она совершенно нормальный человек, любящий пошутить и посмеяться. Но в ней очень много доброты, непосредственности. Так что мне кажется, что миссионер просто должен быть хорошим человеком, добрым. И еще — миссия, в конце концов, должна быть общением, общением равных. Вот я и этот язычник, мы равны перед Богом, может, он даже лучше человек, чем я. И тут общение играет роль первостепенную.

Беседовали Олеся ЧЕРКАСОВА и Ольга ОРЛОВА

ПИЛГРИМ
ТЕАТР ДУХОВНОЙ ДРАМЫ

каждый вторник
19.30

29.VI
8, 15, 22.VI
01.IV

А.С.Пушкин
«МОЦАРТ И САЛЬЕРИ»
Библийская метафора

А.Мезенцева
«ПРОГУЛКИ ПО КАНАТУ»
опыт духовного эквилибра

А.Мезенцева
«ДОРОГОЙ ГОГИ»

билеты перед спектаклем

т. 791 45 92 - e-mail: pilgrim@newmail.ru - www.teatr-pilgrim.narod.ru
м. "Кузнецкий мост" ул. Петровские линии, д.1 ДК "На Петровских линиях" напротив гост. "Будущее"

НАШУ ГАЗЕТУ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ - ул. Покровка, д.29, оф.38), во ВГИК им. Рудомино (ул. Никольямская, д.6), в храме Успения на Успенском вражке (Газетный пер., д.15)

В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

ТЕЛЕФОНЫ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ:

Москва: 397-48-40 (д) 923-03-80 (р) (Александра Колымагина)

СПб: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная) Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина

Анастасия Наконечная
Евгения Спиридонова

Фото:

Анатолий Мозгов
Иллюстратор:
Татьяна Аразян

Дизайн:

Андрей Марсеев

Верстка:

Татьяна Тыртыш

Тел./факс:

(095) 923-03-80

e-mail:

kifa@list.ru

Тираж 999 экз.